

НОВГОРОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ
КОРНИ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

НОВГОРОД 1972

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НОВГОРОДА

Мне необходимо начать с некоторых разъяснений. Прежде всего мне хотелось бы ответить на вопрос, который, я думаю, возникает у всякого по поводу такой постановки темы: «Мировое значение культуры Новгорода». Можно ли говорить о культуре одного города, одной области, отделяя эту культуру от культуры всей страны в целом? Можно ли говорить о культуре Рязани, Твери, даже Москвы, отделяя от русской культуры в целом?

Все зависит от исторического периода, о котором идет речь. Конечно, для XIX или для XX века, для современности такая постановка вопроса немыслима и противозаконна. Невозможно, например, выделять культуру советского Новгорода из культуры всей страны в целом, тем более противопоставлять ее культуре страны. Мы слушаем московское радио, смотрим телевизионные передачи, читаем книги, изданные по всей нашей стране, живем культурной жизнью всей страны в целом и вносим свой вклад в единую советскую культуру. Именно это создает, как хорошо известно всем музейным работникам, серьезные трудности в экспозиционной работе краеведческих музеев. Современные отделы не могут в них достаточно хорошо представить культуру своего края, так как для этого требовалась бы непосильная работа — представить культуру всей страны в целом.

Иное дело период феодальной раздробленности, когда Новгород, Тверь, Рязань и другие области Руси представляли собой полусамостоятельные государства и каждая область развивала свои особенности культуры, свою письменность, свои школы в области изобразительных искусств, архитектуры, прикладных искусств и т. д.

Каждая область в период феодальной раздробленности имела свою судьбу, свою историю, влившуюся в историю Руси в качестве относительно самостоятельного целого.

Вот об этой своеобразной и относительно самостоятельной судьбе новгородской культуры и ее роли в развитии русской культуры и культуры общеевропейской я бы и хотел сказать.

1

Несомненно, что в X—XI веках Новгород — важный международный центр. Это центр передвижения скандинавских дружин на Юг — в Византию и Средиземноморье и на Восток — в район Каспийского моря. Скандинавские дружины пытаются здесь закрепиться, овладеть властью в городе, подчинить себе население. Скандинавские саги полны рассказами о событиях в Холмгарде — Новгороде. Мы не будем сейчас касаться этих событий, выделять в сагах элемент исторический среди вымысла, которого очень много в них. Скажем только, что новгородское население отстаило свою независимость, свое национальное культурное обличье. И в этом его колоссальная заслуга. Мы не знаем, как повернулась бы история, если бы норманам удалось подчинить Новгород так же, как они подчинили себе Англию. Может быть, это повело бы к созданию особой нации и особого языка, как это случилось в Англии? Не будем гадать. Отметим только, что уже на заре русской истории в целом мы обязаны новгородцам тем, что мы такие, как есть, — тем, что мы русские.

Русское государство родилось в двух центрах — в Новгороде и в Киеве. Оно родилось в борьбе за свою самостоятельность. Скандинавскую по своему далекому происхождению династию Новгород свел до положения приглашаемых глав новгородского войска. Уже с 1137 года мы можем говорить о Новгородской республике — республике, независимой от Киева и северо-восточных, владими́ро-суздальских княжеств. Это борьба Новгорода за независимость достигалась не столько военными, сколько дипломатическими усилиями. И мы опять-таки должны быть благодарны Новгороду за эти его устремления к обособлению: политическому и культурному.

С легкой руки Б. Д. Грекова в советской исторической науке родилась идеализация прогрессивного характера процесса государственной централизации. Дробление Руси на отдельные княжества рассматривалось в концепции Б. Д. Грекова, ставшей на некоторое время официальной концепцией всей советской историографии, только как явление отрицательное. Между тем дело обстояло гораздо сложнее. В процессе дробления были свои отрицательные, но были и свои положительные стороны.

Одна из положительных сторон новгородской самостоятельности состояла в том, что Новгород явился благодаря такой самостоятельности важным центром обороны Русской земли,— он мог мобильно организовывать сопротивление агрессии и с востока и с запада самостоятельными средствами.

И здесь прежде всего необходимо сказать об обороне Новгородом западных и северо-западных границ Русской земли.

2

Борьба Новгорода с ливонскими рыцарями, со Швецией, Норвегией и Данией за свою самостоятельность имела значение не только для Руси, для русского народа. Всякая народность обогащает своим национальным вкладом мировую культуру. Поэтому сохранение народом своей политической и национальной самостоятельности имеет не только узконациональное, но и мировое значение.

Мировое значение имеет и то, как втягивает народ другие народы в свое политическое влияние: сопровождается ли это втягивание уничтожением культурной самостоятельности, языка; создаются ли отношения неравенства между народами или отношения равенства и относительной свободы.

Роль Новгорода в отношении народов Восточной Прибалтики, и в первую очередь эстов и карелов, отмечена чертами национальной терпимости и союзничества. В союз русских племен, совместно выступавших в X—XI веках, входили и эсты (чудь) и восточно-угро-финские народы — меря, ижора, водь, весь. Представители некоторых из этих племен участвовали в совместных походах Руси на Царьград — в походах Олега и Игоря. Эстонцы в числе послов

заключили с греками мир 944 года. Вельможи этих племен строили дворы в Киеве и Новгороде. Достаточно сказать, что древнейшие памятники финского языка найдены сейчас на территории Новгорода: это известные карельские берестяные грамоты.

Несмотря на отдельные походы в земли еми, в Новгороде представители этого народа могли подниматься до роли государственных деятелей — тысяцких (например, Семен Емин, избранный тысяцким в 1218 году). Не случайно карелы неоднократно обращались к Новгороду за помощью в борьбе против шведов. Вместе с тем Новгород способствовал распространению в среде карелов более высокой для них феодальной культуры, совершенствованию земледелия, развитию торговли, о чем можно судить по многочисленной технической и торговой терминологии, вошедшей в язык карелов.

Власть Новгорода в карельских землях хотя и сопровождалась сбором дани, но не устанавливала в этих землях режима военной оккупации и не сопровождалась ни массовой колонизацией, ни насильственной христианизацией. Отношение новгородцев и карелов не походило на отношения победителей и побежденных. Карелы были такими же подданными Господина Великого Новгорода, как и все прочее его население. Новгородское владычество не затормозило этнического развития отдельных народов, входивших в состав Новгородской республики.

Новгородцы на долгие годы сумели удержать русские границы на севере и северо-западе по реке Нарове и севернее Невы. Новгородское легендарное произведение «Рукописание Магнуса, короля Свейского» так подводит итог завоевательной политике шведов от имени самого Магнуса: «Не наступите на Русь... зань же нам не пособляется... а хто наступит, на того бог, и огонь, и вода».

3

Но особенно велико значение Новгорода для сохранения русской культуры в годы монголо-татарского ига.

Значение Новгорода не ограничивается тем, что новгородские леса и болота, равно как и сохраненные Новгородом военные силы, остановили дальнейшее продвижение

монголо-татарской конницы, предотвратив полное завоевание Руси и воспрепятствовав дальнейшему завоеванию европейского северо-востока.

Культурное значение Новгорода не меньше, чем оборонно-военное. Культурные центры Новгорода и его «пригорода» Пскова не были разрушены, культурные ценности были сохранены, традиции Киевской Руси продолжали здесь свое развитие и в XIII, и в XIV веках.

Новгород сохранил в неприкосновенности основу основ всякой национальной культуры — свои книжные богатства. Без книг не может быть национальной традиции не только в области литературы, науки, образованности, но, по существу, и в области искусств. Архитектура, живопись молчат там, где нет книжной культуры. Сюжеты кажутся необъясненными, если нет той умственной культуры, которую единственно сохраняют книги.

Пожары, связанные с монголо-татарским нашествием и игом, уничтожили в Киеве, во Владимире и в других городах тысячи книг, уменьшился и слой грамотных людей, переписчиков книг. Но Новгород и Псков оказались незатронутыми этим непосредственным уничтожением книжных богатств. В XVI и XVII веках Новгород снабжал Москву книгами. Многие лучшие произведения русской литературы XI — начала XIII века дошли до нас в новгородско-псковской традиции. Новгородским или псковским был по своему происхождению и погибший в пожаре 1812 года список «Слова о полку Игореве».

Литературная традиция и литературное умение Новгорода было в русском государстве XIV—XVI веков одним из самых важных при восстановлении русской культуры, при ее возрождении после страшного монголо-татарского ига. Сохранение Новгородом русской культуры имело огромное, мировое значение.

Русь явилась мощным заслоном Европы от монголо-татарского нашествия не только тем, что она измотала монголо-татарские силы, остановила орды завоевателей у границ Венгрии и Польши. Даже если бы Русь не была завоевана, но сама утратила бы свою европейскую культуру и превратилась в восточную деспотию с восточной культурой, это представило бы для Европы не меньшую опасность, чем непосредственное соседство с ордами Чингис-хана и Батыея.

Новгород отстоял свою самобытную культуру и от восточных орд и от орд ливонских рыцарей. Последнее также было чрезвычайно важно, ибо только своя, исторически сложившаяся культура способна сопротивляться влияниям извне, играть важную роль в развитии мировой культуры.

Благодаря Новгороду и Пскову Русь смогла стать не только военным, но и культурным барьером между Европой и Востоком, сохраняя при этом свой европейский характер.

В формировании русской культуры особое значение имеет период конца XIV — первой половины XV века. Это эпоха, которую я называю эпохой Предвозрождения, или Проторенессанса, в России. Благодаря тому что Новгород счастливо избег монголо-татарского разгрома, он смог стать во главе культурного подъема XIV века. Ему удалось поднять не обрывавшуюся здесь культурную традицию, закрепить тесные связи с Византией и Западом.

Как известно, Россия не знала Возрождения. Были только отдельные явления Возрождения, отдельные проникновения на Русь западноевропейской возрожденческой культуры, античного наследия в памятниках древнерусской письменности и живописи. Однако если в полной мере невозможно говорить об эпохе Возрождения на Руси, то об эпохе Предвозрождения на Руси говорить можно и должно.

В чем отличие Предвозрождения от Возрождения? Отличие прежде всего в том, что в недрах одного развивающегося движения Предвозрождение и Возрождение занимают разные исторические ступени: Предвозрождение — это только начало того движения, которое, созрев, дало в дальнейшем Возрождение, это первая ступень, еще не освобожденная от господства религии. Понятно, что Предвозрождение не могло охватить всю духовную культуру в ее наивысших проявлениях без кардинальной ломки самого отношения духовной культуры и религии. Но в этом движении Предвозрождения были заложены уже все те явления духовной культуры, которые при благоприятных обстоятельствах должны были бы привести к Возрождению.

Определить эти явления предвозрожденческой культуры в кратких словах невозможно. Они могут быть вскрыты лишь типологической характеристикой всей культуры Предвозрождения. Я попытался это сделать в небольшой книге «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Пре-

мудрого» (М.—Л., 1962) и в немецкой переработке этой книжки «Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance» (Dresden, 1962).

Что же представляла собой эпоха Предвозрождения на Западе? В пределах религиозного сознания культура XIV века движется к человеку, к его более реалистическому изображению, она в большей мере отражает его интересы, становится человечнее во всех отношениях. Искусство психологизируется. Само христианство, в известной мере расщепленное и схоластическое в предшествующие века, получает новую опору в эмоциональных переживаниях личности.

Повышенный интерес к человеческой личности, к ее психологии, первые проблески эмпирического наблюдения природы были особенно благоприятны для сопутствующего им интереса и ко всему национальному. Поэтому сложение элементов национальных культур во всей Европе было тесно связано с культурными явлениями, предвещавшими блестящую эпоху Возрождения. Обращение к античности, воспринимавшейся и в Византии, и в Италии как национальное прошлое, было также характерно для XIV века.

Почти с теми же явлениями мы встречаемся в конце XIV — начале XV века и в России. Это и понятно. Во второй половине XIV века и в начале XV в России сложились благоприятные условия для развития предвозрожденческих движений. К этим благоприятным условиям мы сможем отнести экономический подъем русских городов, особенно городов-коммун Новгорода и Пскова, развитие ремесел, торговли.

Русская культура в конце XIV и первой половине XV века вступает в усиленное общение с Византией и южнославянскими странами. В южнославянские страны вывозится много русских рукописей, переписываются многие русские сочинения. С другой стороны, из Византии и южнославянских стран приезжают мастера-живописцы, строители и писатели. Россия становится одним из важных центров движения Предвозрождения на востоке Европы. Величайшими представителями этого предвозрожденческого движения явились Андрей Рублев, писатель Епифаний Премудрый и новый центр образованности — Троице-Сергиев монастырь.

Но особая роль в предвозрожденческом движении, связавшем Русь обоюдосторонними связями с Византией, Сербией, Болгарией, Молдаво-Валахией и другими странами, принадлежит Новгороду.

Предпосылки, которые делали возможным Предвозрождение в Новгороде, следующие:

1. Как известно, развитие Возрождения связано с городами-коммунами. Новгородская республика по своему типу была как раз таким городом-коммуной.

2. Новгород в это время быстро развивался экономически. И, как теперь ясно, усиленно развивались ремесла.

3. Новгород в это время не был отъединен от остальной Европы и особенно тесно общался с Византией и южнославянскими странами.

Возрождение не смогло полностью развиваться ни в Новгороде, ни в остальной России. Этому помешали и упадок Византии, и отсутствие таких корней, как античные на Западе, и ускоренное развитие централизованного государства, отнимавшее народные силы, отвлекавшее эти народные силы от решения задач культуры. Однако первый, предварительный этап развития Возрождения, который мы условно называем Предвозрождением, проявился в Новгороде замечательными произведениями живописи и движением ересей.

Сейчас уже невозможно изучать европейский Проторенессанс, игнорируя Новгород, ограничиваясь явлениями только Западной и Южной Европы. Общоевропейский характер новгородской культуры сказался в эту эпоху (в конце XIV — начале XV в.) с наибольшей силой, в чем один из самых значительных моментов мирового значения новгородской культуры.

Связь Новгорода с Византией, Болгарией, Сербией, монастырями Афона и др. может быть продемонстрирована на множестве фактов. Кратко перечислю лишь важнейшие явления.

Новгород с конца XIV века устанавливает тесные взаимоотношения с Константинополем. В Новгороде создаются своеобразные путеводители по Константинополю, описания его ценностей — религиозных и светских. Эти описания показывают в их авторах-новгородцах подлинных знатоков и ценителей искусств. В Новгород приезжают византийские

мастера. Мы знаем из летописей о греке Исайте, расписавшем «с други» в 1338 году церковь Входа в Иерусалим в Новгороде. В 1378 году в Новгороде работает знаменитый сейчас на весь мир мастер Феофан Грек. Его творения — росписи церкви Спаса на Ильине частично сохранились и являются одной из величайших мировых ценностей. Значение фресок в Спасе на Ильине определяется не только их совершенством, не только тем, что они составляют мост между искусством Новгорода и Византии, поскольку принадлежат кисти византийского мастера; они являются единственно достоверными произведениями этого гениального мастера, исходя из особенностей которых и Игорь Грабарь, и другие искусствоведы ведут атрибуцию всех его остальных произведений.

Чрезвычайно существенно, что помимо византийских в русской живописи сказались и воздействия непосредственно южнославянские, в первую очередь сербские. Сербская живопись XIV века была охвачена тем же Предвозрождением, но в ней могут быть отмечены также сильные национальные и местные черты. Некоторые из них, бесспорно, сказались на отдельных русских памятниках XIV века. Сербская школа живописи переживает во второй половине XIV века пору своего расцвета. Она оказывает воздействие на Афон, на Болгарию.

В России сербское влияние с несомненностью установлено для Новгорода — в росписях церкви Спаса на Ковалеве (1380 г.). Росписи этой церкви поразительно близки к фрескам сербской церкви Спасителя в Раванице. Эта близость к сербской живописи устанавливается иконографически, стилистически, палеографически (на основании анализа почерка русских надписей, близкого сербскому полууставу), а также по языковым сербизмам в надписях. Основная заслуга в установлении этой близости принадлежит Д. В. Айналову и Г. Милле. Последний отметил связь цикла «Страстей» церкви Спаса на Ковалеве с памятниками македонского и сербского круга (росписи церкви Николая в Касторья, церкви Никиты близ Чурчера, церкви Ахилия в Арилье, церкви Богоматери с Грачанице).

Целый цикл росписей принадлежит, несомненно, новгородским мастерам и нисколько не уступает прославленным произведениям Феофана Грека. Это — погибшие фрески

в Волотове, фрески в церквах Федора Стратилата на Ручью, Рождества на Кладбище и Благовещенья на Городище.

Особое значение имели погибшие во время войны фрески Волотова. Они ярче всего свидетельствовали о высоте самобытного новгородского искусства, о том, что движение Предвозрождения не было в Новгороде наносным, а опиралось на многовековые русские традиции и было глубочайшими корнями связано с духовной жизнью новгородского общества.

Фрески Волотова насыщены идеями Предвозрождения. Мастеров волотовских фресок волновали сюжеты, в которых божество являлось людям и в которых изображаются переживания личности. Именно так трактуются ими сцены явления Христа Марии Магдалине, Рождества Христова, Успения, Вознесения, Сошествия в ад, Пятидесятницы. Религиозные переживания людей были здесь представлены с потрясающей экспрессией.

Росписи волотовского храма связаны с сюжетами Скитского патерика. Знаменитое изображение Христа в образе нищего, пришедшего в богатый монастырь и не пущенного в него игуменом, имеет в своей основе рассказ Скитского патерика, перешедший затем в другие патерики (в частности, в «Лимонис»). Сюжеты Скитского патерика отразились не только в Волотове, но и в росписях псковской церкви в Мелетове.

Скитский патерик был особенно популярен в среде исихастов. В основе же учения исихастов лежали прогрессивные идеи эмансипации человеческой личности, правда, пока еще в религиозном аспекте. Человек может спастись индивидуально, путем индивидуальной молитвы в уединении, не ходя в церковь. Скитский патерик, проповедовавший уединенную жизнь монахов, служил этой же цели. Легенда о Христе в образе нищего, не принятого в монастыре, служила иллюстрацией осуждения общежительных монастырей.

С тем же Скитским патериком и идеями уединенного пустыножительства, противопоставляемого монастырской жизни, связаны и другие сюжеты волотовской росписи: изображения столпников, Иоанна Лествичника, Варлаама и Иоасафа, Марии Египетской, которую причащает Зосима, и др.

Историко-художественное значение новгородских фресок XIV века огромно. Без них мы никогда не могли бы выявить ни размеров, ни самой сути движения Предвозрождения в русской живописи этого времени.

Одной иконописи или одних псковских фресок XIV века (в Мелетове и в Снетогорском монастыре) было бы недостаточно. Если рассматривать новгородские фрески XIV века и новгородские иконы XIV и XV веков как памятники мирового искусства, то надо сказать — и это признано сейчас всеми, — что они входят в число лучших творений человеческого гения. Они принадлежат не только русскому искусству, но и мировому, близки к произведениям живописи не только Византии, но и Италии.

Движение Предвозрождения в Новгороде сказалось здесь во всех областях культуры. Это было широчайшее умственное движение, захватившее литературу и общественную мысль.

В Новгороде уже готова была образоваться типичная для эпохи Возрождения письменность с ее светскими занимательными сюжетами, любовными темами. Элементы фаблио есть в «Сказаниях о новгородском архиепископе Иоанне», которого различными путями соблазнял бес. Элементы фаблио сохранились в новгородской былине о купце Терентьице, рассказывающей о том, как Терентьице застал у своей жены любовника. Зачатки городской новеллы имеются и в новгородской части Домостроя.

Но особенно велико значение в этом движении Предвозрождения новгородских ересей — ереси стригольников в XIV веке и новгородской ереси жидовствующих в конце XV века. Эта последняя ересь вызвала интерес к научной литературе, к рациональному решению религиозных вопросов. Под влиянием необходимости борьбы с ней возник ученый кружок вокруг архиепископа новгородского Геннадия и первый полный перевод Библии на русский язык.

4

Даже после падения новгородской независимости, в XVI и XVII веках, Новгород продолжает сохранять свое значение культурного центра, центра сбереженных во время монголо-татарского ига сокровищ искусства и книжности. Из

Новгорода вывозятся старые иконы, украшающие отныне кремлевские соборы, и вплоть до конца XVII века — книги.

Чтобы показать значение и размеры сохранных в Новгороде и «пригороде» Пскове книжных богатств, напомним лишь об одном факте. Во второй половине XVII века в Москве лучшей ученой библиотекой следует признать библиотеку Московской типографии. Типография была не только типографией в нашем смысле этого слова и не только издательством, но и учреждением, где исправлялся и готовился к изданию текст книги. В этом учреждении для нужд ученых-справщиков и была собрана разноязычная и богатая библиотека. Большинство пергаменных рукописных книг этой библиотеки новгородско-псковского происхождения. Когда во второй половине XVII века составлялась эта библиотека, с запросами на старые книги обращались именно в Новгород и Псков. Как пишет исследователь этого вопроса А. А. Покровский, «...в Москве и тогда хорошо знали, что за стариной следует обращаться в Псков и Новгород; эти города уже тогда были признаваемы носителями начал древности, хранителями старорусской культуры и письменности».

5

Славное прошлое Новгорода продолжает сохранять свое значение и в конце XVIII, и в XIX веке.

Прошлое Новгорода на протяжении целого столетия, начиная с конца XVIII века, было одним из самых притягательных центров русской революционной мысли. В новгородском прошлом русская революционная мысль искала надежду на будущее, противопоставляя демократический Новгород самодержавию. А. Радищев писал: «Новгород имел народное правление... Народ в собрании своем на вече был истинный государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о делах общественных».

С особенной любовью обращались к вечевому прошлому Новгорода декабристы. О Новгородской вечевой республике писали К. Рылеев, А. Бестужев, В. Раевский, М. Лукин, В. Кюхельбекер, А. Одоевский и др. С увлечением изучал историю Новгорода Н. Пестель. Вечевой строй Новгорода нашел отражение в конституционных проектах и политиче-

ской терминологии декабристов. Декабристы героизировали и идеализировали прошлое Новгорода, допускали переоценку его общественного строя. Но этим самым не умаляется значение прошлого Новгорода в истории русской революционной мысли.

М. Ю. Лермонтов разделял декабристские представления о новгородском вече. Возвращаясь в 1832 году в Петербург через Новгород, он посвятил ему следующие вдохновенные строки:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в своем паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

В. Белинский, так же как и декабристы, видел в новгородском прошлом отражение черт национального характера русского человека: его любовь к свободе, самоотверженность, удаль. Но в отличие от декабристов Белинский обращается в поисках этих национальных черт прежде всего к новгородской народной поэзии. Он пишет: «Новгород можно смело назвать гнездом русской удали, и теперь составляющей отличительную черту характера русского народа... В грезах народной фантазии оказываются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства... И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо в новгородских поэмах (былинах.— Д. Л.), являются в таких широких размерах, в такой несокрушимой исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься».

Когда в XIX веке началось научное изучение Новгорода и на смену поэтическому восприятию новгородской старины пришли точные данные истории, значение Новгорода в общественной мысли поднялось и расширилось. Богатый материал, добытый исследователями новгородского зодчества, живописи, ремесла, письменности, в значительной мере перевернул представление об отсталости древнерусской культуры. Эта отсталость оказалась совсем иной, чем ее представляли до тех пор: она охватывала только некоторые

области жизни и образованности, но не касалась искусства. Прошлое Новгорода в XIX и XX веках сослужило патриотическую службу, показав высоту древнерусского искусства, особенно живописи, зодчества и ремесел.

Современные раскопки в Новгороде привлекают внимание повсюду. Изучением добытых Новгородской археологической экспедицией берестяных грамот занимаются исследователи во всем мире. Давно забыты первые сомнения в подлинности писем и документов на бересте. Сейчас грамоты разрушили представления о русском средневековье как о времени сплошной неграмотности.

Не случайно, что среди русских икон, хранящихся в музеях мира, наиболее почетное место уделено иконам новгородским. Это можно сказать о собраниях русских икон в специальном музее русских икон в Реклингаузене, в отделах русских икон в музеях Стокгольма, Бергена, Осло, Берлина и др. Даже третьестепенные произведения новгородской иконописи вызывают восхищение посетителей зарубежных музеев.

* * *

Для всего мира Новгород — это блистательный центр мировой культуры, не менее важный, чем многие города Италии. Это один из центров Проторенессанса, центра прославленной живописи и архитектуры. Его значение в том, что он оберегал Русь не только в военном отношении, но в еще большей мере в отношении культурном: от растворения в культурах Востока и Запада.

Он был центром живописи и книжности, значительнейшим центром летописания. Он весь связан с русской историей — от самых ее истоков и до последнего времени. Он был символом вольности для декабристов и символом высоты русского искусства для всего XIX и начала XX века.

Это мировое значение культуры Новгорода нас ко многому обязывает. Оно обязывает нас прежде всего бережно беречь в Новгороде старину. Оно обязывает бережно беречь самый архитектурный ландшафт города, не застраивать город постройками, которые способны подавить старые здания, разрушить общее впечатление от Новгорода, создаваемое его водными просторами и просторами знаменитого Красного Поля.

Новый Новгород не должен конкурировать со старым. Новое и старое не должны быть враждебны друг другу, поэтому развитие Новгорода не должно сосредотачиваться в центре, а должно сообразовываться с самими географическими условиями — вниз по течению Волхова. Напомню, что исторически Новгород так и развивался. Новый город, несомненно, противостоял старому Городищу. Городищем в древней Руси, как и сейчас, называлось место покинутого города. Уже в XII веке в летописях мы встречаем термин Городище. Следовательно, уже в XI веке Новгород отступал от Ильменя, «двигался» вниз по течению. Мы должны сохранить Новгород так же, как древний Новгород сохранил Городище.

Но этого мало. Новгород должен стать центром исторического образования, каким он и является сейчас стихийно. Здесь должен быть возобновлен существовавший здесь перед войной филиал Института истории Академии наук СССР.

И, наконец, в нем должна быть и развиваться основа основ всякой культуры — обширная научная библиотека с правом получения обязательного экземпляра по всем гуманитарным дисциплинам.

Новгород должен стать центром русской культуры, центром изучения древнерусской культуры, и его облик должен сохранять свой исторический характер, как сохраняют его крупнейшие исторические центры Италии, Англии, Германии, Франции. Это наш патриотический долг.